

А. Г. Вишневский

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ И НАЦИОНАЛИЗМ

Вишневский Анатолий Григорьевич — доктор экономических наук, академик Российской академии естественных наук, руководитель Центра демографии и экологии человека Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН.

В последние годы мир оказался свидетелем подъема национализма и резкого обострения межнациональных отношений во многих бывших «социалистических» странах Восточной Европы и в бывшем СССР. Национальный вопрос здесь, вопреки очевидному, считался полностью разрешенным. Сейчас положение изменилось. «Пролетарский интернационализм», еще недавно бывший одним из краеугольных камней официальной идеологии, все чаще отвергается и высмеивается. На первое место выходит национальная идея, связывающая социальное возрождение с возрождением «национального духа», укреплением или созданием национальной государственности.

В какой-то мере нынешний подъем национализма может быть объяснен именно как реакция на несостоявшийся интернационализм. Однако возможно и иное понимание национализма (а одновременно и несостоятельности интернационализма), указывающее на его более глубокие корни. Среди них, наряду с экономическими, экологическими, геополитическими и прочими, важное место принадлежит и *демографическим* корням.

Разные народы или разные общества?

Общеизвестно, что для населения Восточной Европы и бывшего СССР характерны пестрота национального состава. Не столь общеизвестно, что же такое этот национальный состав, ибо не существует ни общепринятого понимания того, что такое нация, ни общепринятых критериев для определения национальной принадлежности. С большей или меньшей степенью условности можно говорить о расовых, языковых или религиозных различиях, которые иногда используются как критерии определения (в том числе и самоопределения) национальной принадлежности. Но фиксированная таким образом, она непонятна французу, англичанину или американцу, для которых принадлежность к французской, английской или американской нации означает как раз нечто, не зависящее от цвета кожи, языка, религиозных убеждений или обычаев бытового поведения. В свою очередь, еще недавно бывшие советские граждане, проходя паспортный контроль в каком-нибудь далеком аэропорту и заполняя регистрационный бланк, в графе «национальность» норовили написать «узбек», «украинец» или «еврей», не понимая, что их спрашивают не об этом; вопрос касался их *гражданства*, для всего мира они были Soviet, sovietiques и т. д.

Утвердившаяся на Западе концепция нации признает единственное законное определение национальной принадлежности как гражданства, все остальные способы национальной идентификации рассматриваются только как личное дело каждого. Иногда мы тоже следуем такому пониманию - например, когда говорим о национальной безопасности, национальном доходе или Организации Объединенных Наций. Но все же нам ближе понимание, выраженное в шутке Жванецкого: «советник Рабиновича по национальной безопасности». На востоке Европы все еще живо стремление сохранить государственно узаконенные, институционализированные расовые, культурно-лингвистические, религиозные и т. п. перегородки, не

совпадающие с государственными границами. Возможно, такое положение, унаследованное отчасти от весьма отдаленного прошлого, отчасти от распавшихся уже в XX веке Османской, Австро-Венгерской, а теперь и Российской (Советской) империй, следует рассматривать как переходное, а наблюдающиеся сейчас процессы «суверенизации» (слово, которое часто произносится с иронией), в очередной раз свидетельствуют о том, что Восточная Европа с некоторым опозданием движется по тому же пути, что и Западная.

Если все же следовать «восточным» критериям национальной принадлежности, то к концу 80-х годов лишь некоторые из государств региона - Албания, Венгрия, Польша — подошли как мононациональные, с долей основного этноса, превышающей 95%, иногда даже 99%. В других либо явное преобладание основного этноса сочеталось с существенными вкраплениями национальных меньшинств (Болгария, Румыния), либо ни один этнос не мог претендовать на то, что он — «основной» (Югославия, Чехословакия и, конечно, СССР).

Для СССР и Югославии, имевших федеративное устройство, было характерно перемешанное, чресполосное расселение разных этносов, из-за чего многонациональными оказывались и более мелкие - «союзные» и «автономные» государственные образования. Они напоминали матрешку: при переходе на каждый новый уровень воспроизводилась все та же этническая чересполосица. И после распада СССР осталась такой «матрешкой» Россия, два автономных образования сохраняются внутри Сербии, Нагорный Карабах — внутри Азербайджана и т.п. С другой стороны, большое число русских по-прежнему живет на Украине, в Казахстане, Молдове, Латвии, Эстонии, свыше 4 миллионов украинцев и свыше 1 миллиона белорусов — в России, свыше миллиона таджиков — в Узбекистане и свыше миллиона узбеков — в Таджикистане. Сербы и хорваты составляют чуть не половину населения Боснии и Герцеговины, значительна численность сербов в Хорватии и т. д.

Иногда это сожителство - долгое, многовековое, иногда - сравнительно недавнее, но ни в том, ни в другом случае оно нигде не привело к возникновению единой нации в западном смысле этого слова. Более того, сейчас наблюдается, скорее, не сближение, а отдаление недавних сограждан, нарастают центробежные тенденции, тяга к самостоятельной государственности. Сплошь и рядом она приводит к острой междоусобной борьбе, даже к войне, и нам приходится признать, что этот *антинационализм*, если придерживаться западной трактовки понятия «нация», или *национализм*, если следовать его восточной трактовке, имеет, по-видимому, какие-то весьма глубокие основания.

Можно искать эти основания в многовековой истории или в особенностях восточноевропейских политических режимов недавнего прошлого, в различии религиозных традиций или в политизированном националистическом возбуждении последних лет и т. п. Но никакое объяснение не будет полным, если не учесть глубинной экономической и социальной трансформации восточноевропейских обществ в XX веке. Сегодня русские и эстонцы, армяне и азербайджанцы, сербы и боснийцы и т. д. — часто не просто разные расовые, культурно-лингвистические или культурно-религиозные общности, как это было еще сто лет назад. Это - разные исторические типы социума, ибо они находятся на разных стадиях модернизации, перехода от аграрного, сельского к индустриальному, городскому обществу. Задача нашей статьи - показать эти глубинные различия на примере лишь одной из сторон модернизации, а именно на примере демографической модернизации (демографического перехода).

Демографическая модернизация и демографические различия

Различные этносы никогда не имели одинаковых характеристик демографических процессов - рождаемости, смертности, брачности и т. д. Однако на стадии демографического перехода, через которую проходят в XX в. практически все народы Восточной Европы и бывшего СССР, демографические различия между ними на какое-то время приобретают особую важность, ибо становятся не только количественными, как прежде, но и качественными, говорящими о принадлежности к разным типам обществ. Но начнем все же с количественных различий, о которых позволяют судить данные табл. 1 и 2. В табл. 1 приведены данные по странам, но так как они в ряде случаев недостаточно отражают этническую

дифференциацию демографических показателей, то в табл. 2 приводятся эти показатели также и для ряда отдельных народов бывшего СССР, независимо от их расселения по республикам.

Этнические различия в смертности. Как видно из обеих таблиц, эти различия не так уж значительны. Есть определенный параллелизм в снижении смертности и росте продолжительности жизни у всех этнических групп в странах Восточной Европы и бывшем СССР, обладающих более или менее сходными уровнями экономического развития, системами здравоохранения и пр.

Разумеется, это сходство не следует преувеличивать. Различия существуют, а в некоторых случаях, например, в случае младенческой смертности, они очень велики. Кроме того, есть еще и более глубинные, не улавливаемые приведенными в таблицах простыми показателями, различия, например, в структуре причин смертности и ее эволюции [1]. Тем не менее, относительный параллелизм в снижении смертности большинства народов, населяющих Восточную Европу и территорию бывшего СССР, очевиден. Он объясняется тем, что демографический переход обычно начинается именно со снижения смертности, снижение же рождаемости почти всегда сильно запаздывает. В этом запаздывании — секрет того, что сходство показателей рождаемости в интересующем нас регионе намного меньше отмеченного сходства показателей смертности.

Этнические различия в рождаемости. Некоторые из народов рассматриваемого региона имели низкую рождаемость уже в начале XX века. Однако для большинства из них, скажем, для большинства славянских народов, это время было еще периодом очень высокой рождаемости. Понадобилось всего несколько десятилетий, чтобы число рождений на одну женщину у них резко упало, и они вплотную приблизились по этому показателю к большинству западных наций.

Таблица 1

Некоторые показатели демографической ситуации в бывшем СССР и странах Восточной Европы в конце 80-х годов [2, 3, 4, 5, 6]

Регионы	Кoeff. суммарной рождаемости	Внебрачн. рождения на 100 рождений	Легальные аборты на 100 рождений	Средняя продолжительность жизни		Детская смертность
				Муж.	Жен.	
СССР	2,34	10,7	132	64,6	74,0	22,7
Россия	2,02	13,5	196	62,4	74,5	17,8
Украина	1,93	10,8	153	66,1	75,2	13,0
Беларусь	2,03	7,9	164	66,8	76,4	11,8
Узбекистан	4,02	4,2	34	66,0	72,1	37,7
Казахстан	2,81	12,0	94	63,9	73,1	25,9
Грузия	2,14	17,7	76	68,1	75,7	19,6
Азербайджан	2,76	2,5	23	66,6	74,2	26,2
Литва	1,98	6,7	90	66,9	76,3	10,7
Молдова	2,50	10,4	111	65,5	72,3	20,4
Латвия	2,05	15,9	126	65,3	75,2	11,1
Кыргызстан	3,81	12,7	66	64,3	72,4	32,2
Таджикистан	5,08	7,0	27	66,8	71,7	43,2
Армения	2,61	7,9	35	69,0	74,7	20,4
Туркменистан	4,27	3,5	31	61,8	68,4	54,7
Эстония	2,22	25,2	117	65,8	75,0	14,7
Албания	2,96			69,9	75,5	30,8
Болгария	1,86	11,4	118	68,2	74,8	14,4
Венгрия	1,78	12,4	73	65,4	73,8	15,7
Польша	2,08	5,8	14	66,8	75,5	16,0
Румыния	2,19			66,5	72,4	26,9
Чехословакия	1,95	7,6	87	67,7	75,3	7,8
Чехия	1,87	7,9	98	68,1	75,3	6,9
Словакия	2,08	7,2	70	67,1	75,5	9,2

Югославия	1,99	10,5	96	68,6	74,3	24,3
Босния-Герцеговина	1,80	6,9	86	69,3	74,6	16,3
Черногория	1,95	6,7	75	73,4	79,2	14,9
Хорватия	1,74	6,6	91	67,0	75,5	11,3
Македония	2,22	7,0	80	68,8	73,9	42,0
Словения	1,75	23,3	87	67,6	76,8	10,0
Сербия	2,22	12,8	138	68,5	73,4	31,7
Собственно Сербия	1,85	12,8	218	70,1	67,9	21,4
Косово	3,95	12,9	18	67,9	73,1	52,1
...Воеводина	1,79	12,8	60	67,2	74,3	12,6

Однако снижение рождаемости затронуло не сразу все народы и регионы Восточной Европы и бывшего СССР и даже сейчас не охватило их все. У части этносов, относящихся в основном к мусульманской культурной традиции, все еще сохраняется очень высокая (хотя и не столь высокая, как у русских или украинцев в начале века) рождаемость.

Таблица 2. Рождаемость, смертность и воспроизводство населения у некоторых народов бывшего СССР, 1988-1989 гг. [7]

Национальность	Кэфф. суммарной рождаемости	Число рождений на одну брачную когорту		Средняя продолжительность жизни		Детская смертность	Нетто-коэфф. воспроизводства
		1950-1954	1980-1984	Муж.	Жен.		
Русские	1,93	2,13	1,86	64,6	74,6	17,6	0,910
Украинцы	2,05	2,14	1,91	66,4	74,9	12,8	0,968
Узбеки	4,67	6,03	5,04	66,8	71,9	38,3	2,097
Белорусы	2,11	2,59	1,94	66,3	75,8	12,0	0,993
Казахи	3,60	5,80	3,47	63,6	72,5	30,7	1,634
Азербайджанцы	3,00	5,12	3,31	66,4	74,4	25,8	1,362
Татары	2,32	3,45	2,15	65,5	75,6	16,9	1,089
Армяне	2,40	3,34	2,71	65,5	69,8	20,6	1,055
Таджики	5,34	6,58	5,21	68,8	73,3	41,1	2,383
Грузины	1,98	2,49	2,66	68,6	75,9	20,0	0,930
Молдаване	2,69	3,23	2,34	65,1	71,2	20,8	1,251
Литовцы	2,03	2,28	1,97	67,3	76,6	10,6	0,961
Туркмены	4,86	6,18	5,82	62,1	67,7	58,1	2,119
Киргизы	4,76	6,28	4,80	65,1	71,9	34,6	2,129
Немцы	2,68			66,2	74,6	15,1	1,250
Евреи	1,57	1,65	1,71	70,1	73,7	12,4	0,739
Латыши	2,25	1,86	2,02	65,9	75,5	12,7	1,059
Эстонцы	2,35	1,96	2,16	66,0	75,1	15,1	1,103

Этнические различия в естественном приросте населения. Хорошо известное следствие разрыва в скорости снижения рождаемости и смертности — демографический взрыв. У большинства славянских и других восточноевропейских народов христианской культурной традиции ко второй половине XX в. этот взрыв в основном закончился. К тому же он был у них не особенно мощным, а его последствия были ослаблены огромными людскими потерями в войнах и иных социальных катаклизмах нашего столетия. Напротив, у большинства народов мусульманской традиции демографический взрыв после Второй мировой войны только стал набирать силу, рост их численности резко ускорился.

Например, в СССР численность трех славянских народов — русских, украинцев и белорусов — за 30 лет между переписями населения 1959 и 1989 гг. выросла всего на 25 процентов, а их доля в населении страны упала с 76,2 до 69,7 процентов. За это же время численность наиболее крупных мусульманских народов, проживающих здесь: узбеков, казахов, азербайджанцев, таджиков, туркмен и киргизов — увеличилась в 2,6 раза, а их доля возросла с 7,7 до 14,4 процентов. Лишь численность татар, демографический переход у которых близок к завершению, росла умеренными темпами. В 1959 г. они были вторым по численности

мусульманским народом СССР, в 1989 г. отодвинулись на четвертое место, а их доля в населении страны несколько уменьшилась.

Сходные процессы шли в Югославии. За 33 года между переписями 1948 и 1981 гг. численность наиболее крупных в начале периода народов - сербов, хорватов и словенцев - увеличилась всего на 22 процента, а их доля в населении страны упала с 74,5 до 63 процентов. Численность же боснийских мусульман и албанцев увеличилась в 2,4 раза, а их доля — с 9,9 до 16,6 процента. При этом боснийцы превзошли по численности словенцев, а албанцы почти сравнялись с ними.

Этнические различия в миграциях. Территориальная мобильность разных народов также не одинакова и тесно связана со стадиями общей и демографической модернизации. В бывшем СССР долгое время наблюдалась высокая миграционная подвижность славян, особенно русских, а также обрусевших представителей других этносов, которые быстро урбанизовались и распространялись по всей территории страны, поддерживая тем самым давнюю линию славянской территориальной экспансии. Соответственно центростремительные тенденции миграции преобладали над центробежными.

Еще в 60-е годы такая центробежная миграция обусловила рост численности русских за пределами собственно России в 2,4 раза более быстрый, чем в целом по СССР. Правда, уже тогда появились признаки того, что это движение стало выдыхаться. В 70-е годы оно замедлилось, увеличение числа русских за пределами России превысило их прирост по стране уже только в 2 раза. В 80-е же годы этого превышения практически вообще не было, приток русских в республики сошел на нет.

Одновременно появились новые, центробежные тенденции. Отчасти они определялись потоками, имевшими тот же этнический состав, но противоположно направленными, в основном реэмиграцией русских в Россию. Уже в 60-е — 70-е годы она дала себя знать в республиках Закавказья, со второй половины 70-х годов распространилась на Среднюю Азию, в 80-е охватила все республики, кроме Украины и Беларуси.

В то же время в центробежные миграции включились и прежде маломобильные коренные жители южных и юго-восточных республик, что в значительной степени связано с нараставшим в этих республиках демографическим давлением. Только за 10 лет между переписями населения 1979 и 1989 гг. число живущих в России узбеков и туркмен увеличилось в 1,8 раза (в своих республиках - только на 34 процента), таджиков - в 2,1 (46), киргизов - в 2,9 раза (33), азербайджанцев в 2,2 раза (24), молдаван на 69 процентов (11), грузин и армян на 46 (10 и 13) [8].

Нечто подобное наблюдалось и в Югославии. Районы с высоким демографическим ростом отдавали население. В 1981 г. за пределами своей республики жило около 20% уроженцев Черногории, свыше 14% уроженцев Боснии и Герцеговины, но всего 4% уроженцев Словении, 3% уроженцев Сербии. Во всей Югославии число боснийских мусульман за 20 лет между переписями 1961 и 1981 гг. увеличилось на 105%, тогда как в Хорватии - почти в 8 раз, в Сербии - в 2,3 раза, в Черногории - в 2,5 раза. В то же время число сербов, составивших в Боснии и Герцеговине первую по численности этническую группу, сократилось, и они отодвинулись на второе место [9, S. 445; 10].

Можно было бы рассмотреть и многие другие демографические индикаторы - все они обнаруживают дифференциацию по этническому признаку, что часто указывает на глубокие различия в типе поведения, скажем, латышей, украинцев и узбеков, в разной степени продвинувшихся по пути демографической модернизации. В практической области они также сталкиваются с совершенно разными проблемами (например, одни озабочены низкой рождаемостью, другие - высокой).

Конечно, демографические различия важны сами по себе и нередко питают националистические настроения непосредственно. Скажем, их нагнетанию нередко служит высокая смертность, муслирование вопроса о «вымирании нации» и т.д. (Хотя, по-видимому, следует также учитывать скорость уже достигнутого снижения смертности, а также природу препятствий к ее дальнейшему снижению: они часто коренятся как раз в защищаемых националистами традиционных особенностях национальной культуры).

Однако намного большее значение имеет то, что собственно демографические характеристики, даже кажущиеся весьма благоприятными, часто скоррелированы с такими характеристиками

других социальных процессов, которые свидетельствуют о большом неблагополучии.

Демографические различия и экономическое неравенство

Это, прежде всего, относится к экономике. Демографические различия — серьезный фактор, усиливающий исторически сложившееся экономическое неравенство народов и затрудняющий его преодоление. Одни уже вошли в стадию стабилизации своей численности, другие же переживают демографический взрыв, и испытывают большие экономические трудности, обусловленные не в последнюю очередь нарастающим демографическим давлением (хотя не только им).

Яркий пример — бывшие советские республики Средней Азии. В 1939 г. численность населения четырех республик Средней Азии — Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана и Туркменистана составляла 10,5 млн. человек, в 1950 г. — столько же: 10,6 млн. Но за следующие 40 лет — к 1990 г. в результате демографического взрыва она увеличилась до 33,6 млн. человек (в 3,2 раза), и ожидается, что к 2010 г. численность 1950 г. будет превышена не менее, чем в пять раз. Стремительный демографический рост усложняет и без того очень острые экономические и социальные проблемы Средней Азии, обостряет нехватку земли, воды, других ресурсов, конкуренцию за рабочие места. Нарастает бедность, хорошо заметная при сравнении даже с живущими рядом народами бывшего СССР, тоже не очень богатыми, но уже миновавшими этап экстенсивного демографического роста.

Таблица 3 иллюстрирует ситуацию, сложившуюся в СССР к началу перестройки в результате неравномерной и неодновременной экономической и демографической модернизации различных республик. Латвия принадлежала к числу наиболее модернизированных республик Союза, Узбекистан — к числу наименее модернизированных, Белоруссия занимала промежуточное положение. Хотя темпы роста национального дохода, произведенного в Узбекистане, кажутся не самыми низкими, картина меняется, если оценить их в расчете на единицу демографического роста. Превышение потребленного национального дохода над произведенным указывает на постоянное перераспределение его между республиками в пользу Средней Азии. Но даже несмотря на такое перераспределение, использованный национальный доход на душу населения в Средней Азии составлял всего 62% среднесоюзного, и регион продолжал сильно отставать по уровню жизни, модернизации отраслевой структуры экономики, ее эффективности и т. д. В Прибалтике происходившее перераспределение ресурсов вызывало недовольство, и нередко можно было слышать заявления типа «мы не обязаны кормить среднеазиатских детей», тогда как в Средней Азии масштабы перераспределения считали недостаточными и полагали, что раз регион вносит столь весомый вклад в рождаемость, рост населения страны, поддержание численности армии и т. п., то он должен получать больше.

Таблица 3.

Произведенный и использованный национальный доход на душу населения, 1985 г., тыс.руб.

Показатели национального дохода	СССР	Беларусь	Латвия	Узбекистан	Средняя Азия
Национальный доход	2,05	1,97	2,24	1,30	1,28
- произведенный	2,08	2,23	2,93	1,20	1,20
- использованный	2,05	1,97	2,24	1,30	1,28
в том числе:					
- на потребление	1,50	1,52	1,80	0,93	0,93
- на накопление	0,55	0,45	0,44	0,37	0,35
Отношение использованного национального дохода к произведенному	0,98	0,88	0,76	1,08	1,07

Доля накопления в использованном национальном доходе, %	26,8	22,8	19,6	28,5	27,3
Среднегодовой прирост за 1970-1985 гг.					
- национального дохода	1,045	1,064	1,042	1,052	...
- населения	1,153	1,111	1,109	1,566	
Среднегодовой рост произведенного национального дохода на единицу роста населения за 1970-1985	1,036	1,057	1,036	1,023	

В Югославии также в ряде районов (в Боснии и Герцеговине, Македонии, Черногории, а особенно в Косово) быстрый демографический рост сильно снижал эффект экономического роста (см. табл. 4).

Таблица 4.

Рост населения и общественного продукта в республиках Югославии, 1952-1986, % [11]

	Население	Общественный	продукт в ценах 1972 г.
		Всего	На душу населения
Югославия	139	683	495
Босния-Герцеговина	156	584	374
Черногория	149	691	464
Хорватия	119	641	538
Македония	160	771	483
Словения	129	751	582
Сербия	140	712	508
Собственно Сербия	132	672	511
Косово	228	719	316
Воеводина	121	830	687

Демографические различия и социальное неравенство

Экономическое неравенство особенно заметно на макроуровне, при сравнении между собой целых стран или регионов. Но демографические различия нередко обостряют и социальное неравенство внутри стран и регионов, ставя в привилегированное положение более модернизированные слои их населения. Эти слои часто в значительной мере совпадают с особыми национальными группами, нередко к тому же пришлыми, которые, таким образом, с большей вероятностью получают доступ к высоким социальным статусам. Иными словами, ситуация, о которой идет речь, часто имеет «миграционный», чтобы не сказать «колониальный» генезис.

В СССР длительное время русские (и сопутствующие им обрусевшие или, по крайней мере, русскоязычные представители других этносов), мигрировавшие на «национальные окраины», заполняли там особую промышленно-городскую социальную нишу, возникшую в условиях форсированной модернизации, пользовались большими привилегиями и социальным престижем.

Заполнение же этой ниши местным населением до поры до времени было невозможно. Это объясняется, конечно, не какими-то этническими особенностями, а историческим состоянием общества, сохранением в нем социокультурных структур и механизмов, консервирующих архаичные формы жизни и общественного сознания.

Одно из центральных мест среди них принадлежит семейно-родственным и демографическим структурам и механизмам.

Сознательная малодетность, низкая смертность, малая нуклеарная семья, высокая территориальная мобильность, другие постпереходные черты образа жизни людей сильно влияют на их раннюю социализацию, оказываются тесно коррелированными с хорошей подготовленностью к выполнению профессиональных и социальных ролей в наиболее важных и престижных сферах деятельности модернизирующихся обществ. Но в

самых этих обществах долго сохраняются — полностью или частично — архаичные общинные системы, пронизанные родовыми и семейно-родственными связями, большие неразделенные семьи с присущим им традиционным разделением мужских и женских ролей, подчиненное положение женщины, многодетность и т. д. Постоянно воспроизводя патриархальный уклад жизни, социальная среда воспроизводит вместе с ним и такие его составляющие, как низкая мобильность, психологический склад людей, не обладающих необходимой активностью, экономической инициативой, способностью быстро адаптироваться к меняющимся условиям, склонностью к инновациям и пр.

Однако постепенно вследствие социально-экономического развития, часто ускоренного именно деятельностью «иммигрантов», коренное население все более вовлекается в нетрадиционные для него сферы деятельности (см., напр., табл. 5), и многие социальные ниши утрачивают свою закрытость. Прежнее привилегированное положение инациональных групп начинает восприниматься как явная социальная несправедливость. Усиливаются открытые или замаскированные требования пересмотра сложившихся отношений, ролей и т. п., нарастают силы выталкивания пришлого и вообще инационального населения.

Таблица 5

Доля населения коренных национальностей среди рабочих и служащих некоторых отраслей экономики в бывших республиках Средней Азии, в 1967 и 1983 гг., %

Отрасли экономики	Узбекистан (узбеки)		Кыргызстан (киргизы)		Таджикистан (таджики и узбеки)		Туркменистан (туркмены)	
	1967	1983	1967	1983	1967	1983	1967	1983
Промышленность	31	46	11	23	35	57	29	48
в том числе:								
машиностроение	15	25	4	13	19	36	26	24
легкая	45	66	11	32	35	67	35	60
пищевая	34	59	13	28	46	68	30	43
Транспорт	36	48	15	30	46	66	31	41
Торговля	51	65	21*	31	65*	75	38	55
Здравоохранение и социальное обеспечение	39	60	19	39	29	58	32	53
Образование и культура	51	63	37	51	60	71	48	69

* 1973

В то же время именно конкуренция за новые социальные статусы заставляет наиболее активные слои коренного населения перенимать многие черты образа жизни самых модернизированных групп, даже если они принадлежат к классам, этносам или религиям, не пользующимся популярностью в обществе. Так, в частности, происходит втягивание в демографический переход, который служит верным индикатором переходного состояния всего общества. Не случайно поэтому этносы (общества), вступающие в активные фазы демографического перехода, переживают в это время и чрезвычайную озабоченность социальной несправедливостью, которая получает, в зависимости от обстоятельств, классовое, религиозное или националистическое объяснение.

Демографические различия и этническое противостояние

Экономическое и социальное неравенство служит источником многообразных конфликтов. Поскольку оно скоррелировано с демографическими различиями и усилено ими, а демографические различия тесно связаны с национальными, подобные конфликты очень часто приобретают характер этнического противостояния, в котором по крайней мере одна из конфликтующих сторон опирается на идеологию национализма, противопоставления одного народа другому.

Восточная Европа и бывший СССР столкнулись с самыми разными формами национализма. Как это ни парадоксально, одной из них был официально декларируемый интернационализм. Всячески подчеркивая

классовые различия, идеология и практика интернационализма затушевывали различия национальные, доводили идею равенства народов до полного пренебрежения их социокультурным своеобразием, в итоге же навязывали всем какие-нибудь одни национальные образцы, провозглашенные интернациональными.

Крайней степени это пренебрежение достигло, например, в Болгарии, где турецкое меньшинство было объявлено попросту не существующим, от его представителей потребовали отказа от языка, религии и даже собственных имен. Между тем турки в Болгарии не только существовали, но и демонстрировали свое отличие от болгар, в частности, и в темпах демографического роста. Вследствие более высокой рождаемости численность турок увеличивалась быстрее, чем болгар. В 1965 г. их доля среди всего населения приближалась к 10%, но среди детей до 7 лет она составляла 15,5%, тогда как в населении от 25 до 54 лет — 7,9%, а в возрасте 60 лет и старше — всего 5,4% [12]. Возможно, это обстоятельство и подтолкнуло болгарские власти к «безнациональному» решению вопроса.

Недооценка национального своеобразия под лозунгами интернационализма долгое время оправдывала славянскую территориальную экспансию внутри бывшей советской империи, искусственное перемешивание разных этносов в некоторых регионах (при искусственном же «очищении» других). В своем крайнем проявлении эта политика привела к депортации целых народов, в результате чего в Крыму, например, не осталось крымских татар, в Грузии — турок-месхетинцев. В то же время крымские татары, турки-месхетинцы, немцы, корейцы и т. д. появились в Казахстане или Узбекистане. Хотя после смерти Сталина подобные крайности были осуждены, их последствия не ликвидированы до сих пор, а территориальная экспансия русских (или «русскоязычных», что несколько шире) продолжалась — пусть и в форме обычной миграции, о которой говорилось выше.

Миграции послевоенного периода существенно повлияли на этнический состав многих республик. Между 1959 и 1989 гг. число русских в Казахстане увеличилось на 2252 тыс. человек (на 57%), в Молдове — на 267 тыс. (91%), в Латвии — на 349 тыс. (63%), в Киргизии — на 293 тыс. (47%), в Эстонии — на 235 тыс. (98%) и т. д. Для некоторых республик это были очень чувствительные изменения. В середине 30-х годов латыши в Латвии составляли 76,2% населения, эстонцы в Эстонии — 90,7%, русские соответственно 9,7 и 5,6% [13]. В 1989 г. доля латышей в Латвии упала до 52%, эстонцев в Эстонии — до 61,5%, доля русских выросла соответственно до 34 и 30%.

Естественной реакцией на такое развитие событий в республиках было нарастание сил выталкивания пришлого населения, нередко приобретающих «этническую» окраску, проявлявшихся и в повседневной жизни, и в политических лозунгах. Например, одним из главных требований республик Прибалтики - до их выхода из СССР - было ограничение иммиграции «русскоязычного» населения, а само слово «мигрант» приобрело здесь оскорбительный оттенок. Резко ускорилась реэмиграция русскоязычного населения в Россию. Хотя объективно этот процесс, по-видимому, часто противоречит экономическим интересам «выталкиваемых» регионов, в частности молодых независимых государств Средней Азии, рациональные соображения часто уступают место националистическим лозунгам. Национализм становится знаменем, под которым идет вытеснение «пришлого» населения, приобретающее иногда формы прямого насилия или угрозы насилия.

В кризисной обстановке последних лет давно начавшаяся реэмиграция настолько ускоряется, что нередко приобретает черты бегства, все чаще появляются и беженцы в прямом смысле этого слова. В конце 1992 г. в России насчитывалось, по некоторым оценкам, свыше миллиона беженцев и вынужденных переселенцев, предполагалось, что в 1993 г. их число может достичь 1,5 миллиона [14, 15].

Иногда этническое противостояние достигает такой остроты, что приобретает форму гражданской войны, как в Югославии или в Закавказье.

* * *

Отвергая национализм как идеологию и практику противопоставления одних народов другим, как источник национальной неприязни и национальных конфликтов, нельзя не видеть глубинных причин

постоянного появления националистических настроений, имеющих, в частности, и демографические корни.

Разумеется, главные основания национализма лежат не в демографической, а в экономической и социальной областях, в сложной общественной динамике нашего времени. Раз оказавшись втянутым в процесс модернизации, любое общество вынуждено следовать за теми, кто находится впереди него, идти по пути догоняющего развития. Движение по этому пути, в конце концов, не только разрушает традиционные устои догоняющих обществ, но и пробуждает их новые внутренние силы. Тогда из пассивных реципиентов модернизирующего влияния более развитых обществ вчерашние отсталые страны или бывшие колонии превращаются в их активных конкурентов.

В момент перехода от пассивного к активному этапу модернизации истинные силы догоняющих обществ обычно слабы, и они ищут опору и основу новой интеграции в еще живых традиционных ценностях национальной культуры, религии и т. п. Отсюда - почти неизбежный конфликт культур, менталитетов, систем ценностей модернизируемых и модернизированных обществ, их противостояние. Оно всегда связано с более глубоким конфликтом *внутри* идущих по пути модернизации обществ. Это конфликт старого и нового, при котором «новое» объявляется чужим, а «старое» - своим.

Как уже отмечалось, демографическая модернизация — частный, но весьма важный случай общей модернизации. Она резко расширяет свободу выбора человека и семьи, требует пересмотра моральных догм, касающихся отношений мужчины и женщины, статуса женщины и ребенка в семье и обществе, многодетности, аборта, развода и т. д. Такой пересмотр неотделим от более широких перемен в культуре, ее секуляризации, отказа от многих традиционных культурных парадигм, ибо неодинаковость демографического поведения предполагает глубокие различия в социокультурной детерминации, поведения вообще, в менталитете, системе ценностей людей. Но начавшись, подобные перемены пробуждают защитные силы традиционной культуры и порождают культурный раскол.

Отношение к таким вещам, как планирование семьи или внебрачная рождаемость, скажем, эстонцев и таджиков указывает на то, как глубока может быть пропасть между этическими оценками одних и тех же явлений в рамках различных культур. Эстонцы и таджики могут держаться на расстоянии друг от друга. Но демографический переход, распространяясь все на новые и новые этносы, приводит к тому, что такая пропасть возникает *внутри* национальных культур, между поколениями отцов и детей. Как и в общем случае, конфликт, связанный с культурной несовместимостью старых и новых образцов демографического поведения, приобретает форму противопоставления «своего» и «чужого». Из-за ярко выраженной «сращенности» демографического и национального, а также из-за кажущейся удаленности демографической сферы от прямого противоборства экономических и социальных интересов это противопоставление во время демографического перехода кажется особенно убедительным, что значительно повышает «этичность» социальных конфликтов, которые в других условиях могли бы приобрести иную окраску, например, классовую.

Это соображение, помимо всего прочего, указывает на трудности преодоления национализма. Глубокие социокультурные различия между народами, находящимися на разных стадиях демографической модернизации, крайне затрудняют, а часто даже делают невозможным их сосуществование в рамках единых государств с единым законодательством, единой социальной, а иногда и демографической политикой и пр. — запоздалый урок, который может быть извлечен из недавних событий в бывшем СССР и бывшей Югославии.

Но этот урок должен быть усвоен и всем международным сообществом, заботящимся о своем собственном мирном будущем. Даже при раздельном государственном существовании народам не всегда легко понять друг друга — и не только потому, что одни богатые, а другие — бедные. У них есть, конечно, области общих интересов — здесь надо искать взаимопонимания. Но есть области, в которых взаимопонимание невозможно. Единственное, на что можно рассчитывать, это взаимная терпимость.

Литература

1. Вишнеvский Л., Школьников В., Васин С. Эпидемиологический переход и причины смерти в СССР // Экономика и математические методы. 1991. Т. 27. Вып. 6. С. 1013-1021.
2. Демографический ежегодник СССР: 1990. М.: Финансы и статистика, 1990. С.308-316, 359-361, 382, 390.
3. Evolution demographique recent en Europe: 1991 / Conseil du l'Europe. Strasbourg, 1991. P.38, 39, 45, 49, 51.
4. Demografska statistika: 1988. Beograd, 1990. S. 15, 53.
5. Demografska statistika: 1989. Beograd, 1991. S. 46.
6. Rasevich M. Thirty years of induced abortions in Yugoslavia: background document // Conference «From adortion to contraception». Tbilisi, 10-13 October 1990. P. 21.
7. Царский Л., Андреев Е. Воспроизводство населения отдельных национальностей // Вестник статистики. 1991. N 6.
8. Вишнеvский Л., Зайончковская Ж. Волны миграции: новая миграция // Свободная мысль. 1992. N 12. С. 7.
9. Statisticki godisnjak: Yugoslavije 1991. Beograd, 1991. S. 450.
10. Пивоваров Ю.Л. Население социалистических стран зарубежной Европы. М., 1979. С.25.
11. Hadzivukjvic S. Population growth and economic development: a case study of Yugoslavia // Journal of population economics. 1989. N 2. P. 229.
12. Стефанов И., Сухарев З., Наумов Н., Христов Е., Атанасов Л. Демография на България. София, 1974. С.381.
13. Марианьский Л. Современные миграции населения. М., 1969. С. 167.
14. Известия. 1992. 29 октября.
15. Известия. 1992. 1 октября.